

Глава 6. Возвращение депортированных народов Северного Кавказа. Волнения русского населения в Грозном в 1958 году.

1. Синдром возвращения

В середине 1950-х гг. были восстановлены национальные автономии репрессированных в годы войны калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев. В течение нескольких лет они вернулись на родные пепелища из ссылки. В целом репатриация прошла довольно мирно. Нам известно только восемь открытых насильственных конфликтов в районах возвращения. Речь, разумеется, идет о таких столкновениях, эхо которых докатилось до Москвы и стало фактором большой политики. Два эпизода произошли в столице Калмыкии - Элисте - в 1957 и 1959 гг. (групповые драки с поножовщиной между русской и калмыцкой молодежью¹). Остальные - на территории Чечни, Ингушетии и в пограничных с ними районах Северной Осетии и Дагестана. Но один эпизод - массовые беспорядки, чеченский погром, двухдневные митинги протеста, распространение листовок и коллективных петиций, забастовки, нападения на обком, МВД и КГБ в городе Грозном - был одним из самых крупных (и самым загадочным) среди массовых беспорядков 1950-х гг.

Впервые синдром возвращения на территории Чечни и Ингушетии обнаружил себя в 1955 г., когда ограничения по спецпоселению были сняты с членов КПСС (без права возвращения на родину). Воспользовавшись относительной свободой, некоторые чеченцы и ингуши (в том числе и беспартийные) под предлогом отпусков или командировок решили на свой страх и риск вернуться на Северный Кавказ. Те немногие, которым в 1955 г. удалось пробраться через кордоны в Чечню, Ингушетию, Северную Осетию, Дагестан и Кабарду, пробовали найти работу и остаться, просили власти вернуть отобранные и переданные переселенцам из других районов дома. Пошли слухи, как всегда преувеличенные, об угрожающих ночных визитах прежних хозяев. Среди напуганных переселенцев из центральных областей России начали появляться возвращенческие

¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп.2. Д.491. Л.425.

настроения. Партийное руководство Грозненской области, опасаясь то ли возможной встречной агрессии переселенцев, то ли неуправляемого исхода русских с Северного Кавказа, попыталось эти настроения локализовать. Поначалу это удалось. Просочившихся чеченцев и ингушей задерживали и возвращали на «законное» место жительства.

В 1956 г. процесс стихийного возвращения на родину усилился. Со дня на день ждали восстановления автономии. Продолжавшие рваться на Северный Кавказ бывшие спецпоселенцы-вайнахи не только не хотели терпеливо ждать решения своей участи, но и не желали «расселяться» там, где предписывали бюрократические прожекты начальства, - стремились в родные места, к покинутым в 1944 г. домам. Но дома были заняты, а люди, поселившиеся в них, не хотели, да и не могли в одночасье бросить хозяйство и убраться подобру-поздорову. Между этносами возникла неизбежная конкуренция за ресурсы и места обитания.

В декабре 1956 г. дело дошло до насильственного столкновения. В дом жителя селения Новый Ардон Коста-Хетагуровского района явился вместе со своей семьей вернувшийся из ссылки ингуш. Он заявил, что этот дом принадлежал ему до выселения, и семья собирается в нем жить. Осетин ответил бывшему хозяину, что вопрос о его вселении в дом должен разрешить сельсовет. В спор вмешалась группа пьяных колхозников. Началась драка, во время которой один ингуш был убит, семеро ранено. Ранения получили также трое осетин¹. Прозвучал первый тревожный звонок.

В январе 1957 г. Президиума Верховного Совета СССР восстановил наконец чечено-ингушскую автономию. Этот акт, дополненный аналогичным решением Верховного Совета РСФСР, предусматривал не просто переименование Грозненской области в Чечено-Ингушскую АССР. Речь шла о сложной административно-территориальной перекройке. Автономия восстанавливалась практически в довоенных границах. Исключение было сделано для Пригородного района. Он остался в составе Северо-Осетинской АССР и

11 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.32. Д.4580. Л.124.

на рубеже 80-90-х гг. превратился в очаг постоянно тлеющего осетино-ингушского конфликта. В Чечено-Ингушскую АССР были полностью возвращены четыре района (еще два частично) из состава Дагестанской АССР, а из Северо-Осетинской АССР - г. Малгобек с пригородной зоной, Коста-Хетагуровский район и северо-восточная часть Правобережного района. В состав Дагестана в связи с ликвидацией Грозненской области передавался город Кизляр и еще четыре района. Кроме того Чечено-Ингушской АССР передавалась северная часть Душетского района Грузии¹.

Новая перекройка границ предполагала очередное плановое перемещение части послевоенных переселенцев на другие территории. Бюрократические мечты о безболезненности этого перемещения натолкнулись на массовое (отчасти плановое, отчасти стихийное) возвращение чеченцев и ингушей на родину. Это возвращение - его удалось лишь слегка замедлить полицейскими мерами и пропагандистскими усилиями партийных и советских органов - было стремительным. По плану в 1957 г. в Чечено-Ингушетию должны были возвратиться 17 тысяч семей. В действительности уже к 1 сентября 1957 г. вернулось в два раза больше - 34635 семей (136444 человека)².

По сообщению МВД СССР (февраль 1957 г.), многие чеченцы и ингуши настойчиво добивались размещения только на земле предков - «в тех селениях и даже домах, в которых они проживали до выселения»³. Это естественное желание наталкивалось на реальности жизни - родные места были заняты переселенцами из других районов Кавказа и центральной России. На пришлое население Чечено-Ингушетии этнический натиск возвращавшихся вайнахов произвел шоковое впечатление. А начатое властями плановое переселение дагестанского населения⁴ и осетин из Чечни и Ингушетии на родину, должно разрядить нараставшую напряженность, явно отстало от массового притока чеченцев и ингушей на занятые чужаками земли.

1 ГА РФ. Ф.7523. Оп.75. Д.359. Л.7-9.

2 ГА РФ. Ф.А-259. Оп.7. Д.9230. Л.44-50.

3 ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп.2. Д.490. Л.111-112.

4 "Дагестанского" этноса, как известно не существует, но власти в своих статистических сводках и докладных записках очень часто использовали этот собирательный термин

Возник острый конфликт интересов. Перспектива достойного для обеих сторон компромисса с самого начала оказалась под вопросом. В селении Моксоб Ритлябского района 32 семьи чеченцев были временно размещены в сельском клубе, в ужасной тесноте. Все усилия убедить местных жителей - аварцев - «самоуплотниться» и поселить у себя по одной чеченской семье были безуспешными. Отказались даже советские активисты, к сознательности которых апеллировало высокое партийное начальство. А попытка поселить одного из чеченцев в пустовавшем доме вызвала возмущение аварцев. Около дома немедленно собралось около 100 человек, которые попытались избить чеченца и избили бы, если бы не защита милиции. После этого толпа аварцев, вооружившись палками, направилась к клубу с требованием «убрать чеченцев». Опасаясь перерастания конфликта в массовые беспорядки, власти уступили и вывезли чеченцев из селения¹. Роли жертвы и агрессора в каждом конкретном случае определялись реальным соотношением сил. В Новосельском районе, например, уже чеченцы встали в дверях дома культуры, ругались, не пропускали никого в помещение, размахивали ножом и «допускали крики националистического характера»¹.

Этими малоприятными эпизодами внешняя история этнического противостояния в первые месяцы 1957 г. в основном исчерпывается. Однако людская молва и слухи многократно усиливали воздействие подобных фактов на население. А высокий уровень этнической мобилизации чеченцев, их готовность к демонстративной агрессии в отстаивании своих интересов в конечном счете делали их победителями в той войне нервов, которая повсеместно шла на территории Чечено-Ингушетии и в некоторых пограничным районах соседних республик.